

ЕКАТЕРИНА
ЧИРКОВА

НЕ
ЗНАЮ

(не)семейный роман

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ч-65

Художник Елизавета Корсакова

Чиркова, Екатерина Владимировна.
Ч-65 Не знаю : (не)семейный роман / Екатерина Чиркова. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2024. — 310, [10] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-160807-1

Екатерина Чиркова родилась в Москве, закончила филфак МГУ и магистратуру психфака ВШЭ. Член Союза художников России; практикующий психолог, арт-терапевт.

В романе «Не знаю» каждая глава – монолог о прошлом и будущем. Профессор филологии и амбициозный прозаик Кольцов, его жена Лёлочка, чей главный талант – создание домашнего уюта (никому не нужного в их доме), дочь Анна, ищущая себя, – у каждого своя история. «Литературные стаи» 1970-х, учеба в университете в 1990-х, опасности парапланеризма, путешествие по настоящим джунглям в 2020-е; московские улицы, коты, вышитые картины, книги и рукописи. Но главными оказываются несказанные слова и непржитые чувства, тоска по любви и теплу.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-160807-1

© Чиркова Е.В.
© ООО «Издательство АСТ»

I. НАЧАЛА и КОТЫ

Анна

2021–1974 гг., Москва

Какое странное чувство — отец не поздравил с днем рождения.

Ритуалы, юбилеи, поздравлять обязательно с утра, за здоровье — шампанское, за упокой — водку, телеграммы, открытки, третий тост — за родителей, Спасская башня ровно в двенадцать ночи 31 декабря, до этого проводить старый год вином: «Да в чем, наконец, дело, сядьте уже! Ну что ж, пусть, как говорится, все плохое останется в том году, он был сложный». Так было.

Отец не признавал «полезных» подарков, всегда кривился, дергал рукой куце, пренебрежительно, когда ему самому дарили какие-нибудь рубашки, галстуки: «Ой-й-й, ну спасибо, спасибо». Его подарки были всегда удивительно откуда взявшимися. Отец сроду не ходил по магазинам и понятия не имел, где что «дают». Свои подарки

Катерина Чиркова. НЕ ЗНАЮ

он выуживал, видимо, в каких-то антикварных или художественных «салонах» — одна из примет противоречивых девяностых, — в каких-нибудь мастерских... Я вот и не знаю где — никогда не приходило в голову спросить: это же подарок. Вертится в уме что-то вроде «колониальная лавка». Деревянный олень с круговым узором древесины на боку, теплый и немного шершавый в ладони; серебряный кулон с сердоликом — черная оправа, глянцевый камень с прожилками; индийские светлые полупрозрачные агатовые бусы — к моему восторгу вдруг свесившиеся прямо у меня перед носом, как питон с ветки; яшмовый дедок-домовой со свирелью, хрустальная туфля (пепельница? да это неважно). Или вовсе — гипсовый барельеф какого-то кавалера с мандолиной в обрамлении виноградных кистей, выпуклых и потертых, намекающих на веселый старинный праздник с барабанами, дудками и шутом, распеваящим фальцетом. А теперь отец просто забыл, что мой день рождения сегодня, о том, что у меня в принципе есть день рождения. Или о том, что я в принципе есть?

* * *

Маленькая комната со светлым паркетом, большим окном, через занавески слепящий луч. Я еще во сне, не совсем здесь, но уже вижу закрытыми веками, ощущаю тепло и свет, знаю, что сегодня мой день. Приоткрывается дверь,

и в шелку запрыгивает маленький белый заяц — игрушечный? Да нет же, просто он умеет вот так, на задних лапах. В оранжевых шелковых штанишках и кружевном сиреневом воротнике он скачет мелкими шажками прямо ко мне и при каждом прыжочке бьет в тарелки. Чудо, восторг! Счастье — вот оно.

Не знаю, где моя мама брала эти игрушки, какие — привычные, советские — ночные очереди по записи отстаивала. Такого зайца я не видела больше никогда, ни у кого и нигде в своей жизни. Он заводной, с ключом в боку — позже, в период хладнокровного анализа действительности, я нащупала металлический каркас и пружины заводного механизма под шелковыми штанишками. Где этот заяц сегодня, я не знаю, с тех пор прошло почти пятьдесят лет. Сорок семь, если быть точной, — то был третий мой день рождения.

На четвертый позвали гостей — девочек-соседей, и они затеяли дурацкую игру: кидать на пол черешню и догонять ее на четвереньках. Пятый я встретила в больнице, медсестра Вера получила особое удовольствие, задирая подол праздничного платья в красный горох, юбка в пол, пышным пирожным, чтобы воткнуть шприц с болючим уколом в зад имениннице.

Далее последовали вереницей похожие, тихие, одинокие дни рождения. Лето, гостей никогда не было. Сначала все ровесники у бабушек, на дачах или в пионерлагере, потом обязательно

Катерина Чиркова. НЕ ЗНАЮ

экзамен приходится на этот день, потом некого приглашать: подружки и друзья как-то рассосались за время моего раннего замужества и ухода за младенцем. В детские годы это всегда был домашний день рождения, единственный в году день с мамой и папой на троих. Мы ходили в зоопарк и в кафе-мороженое, я держала за руки двоих взрослых.

Уже вылетев, так сказать, из гнезда, я еще долго приезжала к родителям, чтобы быть поздравленной. Имениннице предписано было явиться ровно в тот самый день, не раньше и не позже, желательно утром. Сюрпризом было обнаружить однажды, что предписания-то никакого и нет. И, собственно, это мое личное дело — когда являться и являться ли вообще. То была моя иллюзия, но никак не их настойчивое желание и требование. С того момента мы перешли на телефонный формат. Они передавали друг другу трубку. Странно было иногда получать два отдельных звонка. Что-то происходило между ними, но мне было не до того — у меня тоже всякое происходило, и я решила, что больше не хочу пытаться понять, разобраться, соединиться, объединиться, мне не нужны совместные застолья, и мне все равно, с одного ли телефона и из одного ли места они поздравляют меня с днем рождения.

И вот мне пятьдесят. У меня Большой день рождения, *Big Party*. Галерея современного искусства, здесь много народа, музыка, мои картины развешаны по стенам.

Мои картины... Рисование – пожалуй, единственное, чему меня в детстве не учили. Воспитание меня было официальной миссией матери. Вместе с отводом от прививок, из-за которого меня нельзя было определить в сад, вкупе с заботой о муже-творце и поддержанием очага – эта миссия стала причиной несостоявшейся самореализации. Питая искреннее отвращение к домашнему хозяйству и обустройству быта, именно этим занятиям Лёлочка вынуждена была посвятить свою жизнь. Всю свою жизнь без остатка. В том есть и моя вина: ей же пришлось заниматься ребенком.

Проснуться, зная, что все еще спят, и вдохновенно будить их импровизациями на электронном пианино в полторы октавы... Танцевать часами в одиночку, представляя себя на сцене, огромной сцене в огнях... Писать сказки на несуществующем языке, составить заодно словарь этого языка и придумать до кучи саму страну, ее историю и народ... Читать ночами напролет, не останавливаясь, пока не закончишь... Все это не пережило испытаний музыкалкой, обычной школой и хореографическими классами, под грустным или злым руководством неудавшихся пианисток, выпускниц пединститутов и отставных балерин. Рисование как-то упустили – оно осталось только моим, в формате «я художник, я так вижу». Вот я несу матери важный, заряженный глубоким смыслом шедевр, выполнен-

Катерина Чиркова. НЕ ЗНАЮ

ный в технике каракулей оранжевым восковым мелком по плотной пупырчатой акварельной бумаге. В телевизоре видна голова Клубкина — лысого дядьки, ведущего передачи «Клубкины путешествия». «Клуб кинопутешествий» Сенкевича. Ему тоже показываю рисунок, он кивает и улыбается — ему нравится. Надо проследить, чтобы мама поставила картину на хорошее, видное место... вот так, да, нормально. Хорошо.

Вот я рыдаю в ярости над портретом Хозяйки Медной горы — зеленая и малиновая акварель поплыла по кокошнику, бирюзовые бешеные глаза, черные-черные волосы и аккуратно мелком пририсованный матерью треугольник носика. После всех перипетий, браков, разводов и бесчисленных переездов каким-то загадочным образом — а впрочем, ничего загадочного: мать сохранила, а я забрала, устаканившись в благополучии, — именно этот портрет висит сейчас у меня в мастерской, в раме. И здесь, на выставке, организованной и оплаченной мною собственноручно — ну что ж, художником я не стала, зато могу оплатить аренду зала, — он тоже висит.

Моих родителей здесь нет. Они не со мной, им не нужен, не важен этот шум. Мать позвонила поздравить: я — ее счастье и утешение. Ну допустим. Жаль, правда, что я не знала этого сорок, тридцать лет назад. Отец — нет, не вспомнил. Я — фантом, меня нет, если я не перед глазами.

Кольцов

2021–1936 гг., Москва

Мне восемьдесят четыре. Уже год я не выхожу за пределы квартиры. Зачем. Когда-то я объездил весь мир, и что теперь. На днях дочь — или это была Нонка? Да нет, вроде дочь. Анна, да... Так вот, она говорила, что была в Южной Африке. И я спутал Южную Африку и Южную Америку. И что, для чего мне эта информация, какая мне разница-то, где была эта дама... ах, ну да, не дама — дочь, Анна. Да. Провалы. Недавно искал важную бумагу, черт-те что, так и не нашел... Зачем она приезжала? Все бросили меня, а тут приезжала. Ах да. День рождения, у меня был день рождения. Восемьдесят четыре. Было бы что праздновать. Писать. Надо успеть дописать книгу. Не мемуары — это для бездарей. Роман, великий роман, книгу всей жизни. Как назвать его? Текст живет сам по себе, не зависит от новой слабости мозга и усталости руки, мерзкой боли в суставе. Жизнь вкладывается в текст, в ткань повествования — не моя жизнь, иная, которая и не могла бы быть моей. О, если бы я был своим героем, этим свободным, умным, веселым, легким юношей, устремленным вперед и ввысь, спокойно уверенным в своей неуязвимости и безупречности, с прохладной улыбкой на устах, ускользящим от обязательств. Был ли когда-либо я таковым? Ну разве что в собственных представлениях.

Катерина Чиркова. НЕ ЗНАЮ

Мать с отцом не были женаты. Тогда немодны были эти буржуазные пережитки. У матери в медицинской карте в роддоме было написано «Кривая Нина Григорьевна, девица. Мальчик, сколько-то там килограмм, столько-то сантиметров». Отец был весельчак, дионисийское начало в нем преобладало. Знаю я его по рассказам матери и семейным байкам. И по страху, ужасу в образе черного, железного, с красными глазами волка за окном — когда он умер. От туберкулеза. Что значит «умер»? Мне было не понять, но страх стоял за окном, моргал красным глазом. Отец всю жизнь был, скорее, образ для меня, чем человек. Тот самый юноша-герой? Да нет, более земной, живчик, себе на уме. С детства я слушал о том, как они с тещей сначала ругались до драки, а потом мирно курили на кухне к вящему недовольству моей Нины Григорьевны. И про то, что «уж чего-чего, а цыганочку он плясать умел». М-да...

Мать, как человек порядочный и положительный, родила меня в десять утра, с началом рабочего дня. И прождала целый день — так и не дождалась — счастливого папашу. Поздно вечером ее усадили в грузовик с матерями-одиночками, которых развозило по домам государство. Ее номер был последний, так как отец ребенка вроде как наличествует, хотя и отсутствует. И непонятно, имеет ли Нина Григорьевна Кривая, девица, право на тот грузовик с госдоставкой. Отец, кажется, заявился уже на следующие сутки — вдре-

бадан пьяный, счастливый и с машинкой «Зингер» в руках. Машинку он тут же у порога не удержал и грохнул оземь. Что не помешало ей проработать успешно еще несколько десятилетий не только у моей матери, Нины Григорьевны, но и у моей второй супруги Лёлечки, ибо первой – Галке – этот предмет был совсем неинтересен.

Нина Григорьевна Кривая

Из воспоминаний, 1970-е

Жизнь моя в целом не является чем-то исключительным, но огромные по важности события, пережитые моей страной, в той или иной степени коснулись и моей жизни, почему ее никак нельзя рассматривать вне этого, ибо общество и отдельный человек едины и нераздельны.

На сегодняшний день я пенсионерка, ушла на пенсию с июля 1970 г. Работала же доцентом на кафедре университета города Н.

И вот теперь, когда трудовая моя деятельность закончилась, мне хочется оглянуться назад, поразмыслить о себе и обо всех тех, кто окружал меня в разные периоды моей жизни.

Вспомнить детство, юность, зрелость, свою учебу, работу, творческую и будничную, свою личную жизнь, подумать о детях, об их судьбах.

Жизнь прожита большая, трудная, в которой имели место и небольшие радости, и очень большие горести.

И когда я сажусь за эти записи и мысли мои уносятся в то далекое прошлое, мне и теперь иногда становится грустно за мою незадачливую жизнь, и я начинаю нервничать и волноваться, будто это все вновь повторяется.

* * *

...И вот после летней практики мы вернулись в университет уже аспирантами второго года. Эта осень ознаменовалась еще одним событием — мы с Иваном поженились. Надо сказать, что ни в ЗАГС, ни тем более в церковь мы, конечно же, не ходили — тогда это считалось буржуазным пережитком. Да и мне — что сейчас, что тогда — это тоже не казалось важным, а уж Ивану и подавно. Довольно скоро родился Робка, мой старший сын.

Муж мой и вся его семья люди были легкомысленные, совсем не такие, как я. Положим, танцевать я тоже любила, на этом мы с Иваном и сошлись. Но мне в голову не пришло бы вместо аспирантских занятий пойти на танцы, а ему это было пара пустяков. Имел он также и несчастную склонность к алкоголю, которая с каждым годом нашей семейной жизни все больше давала о себе знать. Через эту болезнь много было у меня переживаний, да еще мама считала своим первым долгом меня информировать о тех историях, которых я иначе, может быть, и не узнала бы. Результатом неумеренности и неспособности бороться с алкоголической болезнью стала болезнь желудка — язва.

А затем, когда присоединился еще и туберкулез, все это быстро привело моего мужа к печальному концу.

I. НАЧАЛА и КОТЫ

В семье у Ивана была, видимо, какая-то наследственная склонность к болезни легких. Его брат после ареста в тридцать седьмом году вернулся через два года и вскоре после этого умер от чахотки. И отец их скончался от той же причины.

Обращусь несколько назад и расскажу, как я возвращалась из родильного дома с Серёжкой домой. В тот день, когда я должна была выписаться из больницы, нас, кто выписывался, оформили еще утром, а примерно к двенадцати часам, после обхода врачей, можно было отправляться домой. Мужу накануне я сообщила об этом и наказала, чтобы принесли одежду мне и всё необходимое для ребенка.

Но проходили часы, а никого нет, никто за мной не идет. А должен был прийти Иван. Что делать?

А в больнице были и такие женщины, за которыми некому приходиться, матери-одиночки, как их теперь называют. Для них организовали автобус, чтобы развезти по жилищам. Присоединили к ним и меня. В казенном больничном белье, в казенном халате, в казенных тапочках на босу ногу (дело-то было в мае). Серёжку моего завернули в больничные тряпочки, и так мы покатали по всему городу: трех моих товарок, развезли сначала (так шоферу было удобнее), а затем уже он повез меня в наше общежитие.

Легко представить, какое у меня было самочувствие. На всем пути следования я потихоньку в горсточку собирала слезы и особенно тогда, когда с ребенком на руках поднималась по лестнице к себе на третий этаж в таком дурацком наряде, тем более что меня все привыкли видеть довольно прилично одетой.